

Глава 1
Речевое общение
в социально неоднородной среде

А. П. Крысин

Успех речевого общения зависит от согласованности речевых действий коммуникантов. Одна из необходимых составляющих такой согласованности — общий, единый для всех участников коммуникативного акта языковой код. Современная теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Г. Грайс и др.) как раз и исходит из тезиса — правда, не формулируемого явно, — о том, что в реальных актах коммуникации люди используют один и тот же, общий для них языковой код. *— в широком смысле*

Между тем, в конкретных условиях общения абсолютная идентичность кода, используемого всеми участниками коммуникации, — явление крайне редкое. Напротив, обычна неоднородность языкового кода, и степени такой неоднородности различны.

- 1) Говорящие владеют разными языками (каждая из сторон предполагаемой коммуникации говорит (пишет) только на своем языке и понимает только его; в этом случае речевое общение невозможно.
- 2) Говорящие владеют каждый своим языком, а кроме того, понимают язык собеседника (но активно им не владеют); речевое общение и взаимопонимание — хотя бы относительное — возможно.
- 3) Говорящие владеют двумя (или более) общими для них языками; при этом для каждого из них один из языков может быть родным, но для процесса коммуникации это не имеет принципиального значения, так как общение может происходить то на одном, то на другом языке по взаимному согласию сторон: ср., например, речевое общение в двуязычных семьях (см. об этом, например, [Harding, Riley 1987]).
- 4) Говорящие владеют каждый своим (обычно родным для данного говорящего) языком и, кроме того, одним и тем же языком-посредником; речевое общение осуществляется с помощью языка-посредника: ср. роль английского языка в современном мире, роль русского языка в большинстве республик бывшего СССР, роль аварского языка в Дагестане и т. п.

5) Один из коммуникантов, помимо своего родного языка (L-1), владеет языком собеседника (L-2), в то время как собеседник не знаком с языком L-1 или владеет им недостаточно; речевое общение может осуществляться, естественно, только при помощи L-2: ср., например, общение русских и представителей коренных национальностей в республиках бывшего СССР (в большинстве случаев русские плохо владеют языком коренной национальности — таджикским, узбекским, киргизским, литовским, латышским, эстонским и др., — и поэтому речевое общение между русскими и носителями этих языков часто происходит по-русски). Такие асимметричные коммуникативные ситуации чреваты некоторыми психологическими и психолингвистическими особенностями: например, если в присутствии лица, не владеющего L-1, разговор ведется именно на этом языке, то это лицо может испытывать своего рода коммуникативный дискомфорт (скажем, подозревая, что собеседники, переходя на L-1, хотят скрыть от него предмет разговора, дать ему нелестную характеристику и т.п.). Впрочем, в лингвистически неоднородных социумах отношения между участниками речевой коммуникации могут колебаться весьма значительно — от большего или меньшего взаимопонимания и согласия до коммуникативных конфликтов (см. в связи с этим [McRae 1986]).

6) Все участники речевого общения принадлежат к социуму, использующему один национальный язык¹ L. Однако одни из них владеют (преимущественно или исключительно) подсистемой I-1, другие — подсистемой I-2, третьи — подсистемой I-3 и т.д., — например, местным диалектом, городским койне, литературным языком. В этом случае речевое общение может происходить с использованием средств каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель городского койне — это койне, носитель литературного языка — литературный язык. Однако при общем относительном

¹Может возникнуть вопрос о правомерности рассмотрения в одном ряду явлений, характерных для билингвизма (т.е. владения двумя самостоятельными языками), и явлений, характерных для внутриязыковой диглоссии (т.е. владения подсистемами одного языка). Однако, как показывают исследования, существует принципиальное сходство владения, с одной стороны, разными языками и, с другой, разными подсистемами одного языка. Как в первом, так и во втором случае мы можем наблюдать: (а) вкрапления интрасистемных элементов в речь (кодую интерференцию); (б) заимствование интрасистемных элементов; (в) переключение с одной коммуникативной системы на другую в ходе общения (см. об этом подробнее в работе [Крысин 1976а]). Каждое из этих трех проявлений взаимодействия языков или языковых подсистем предполагает определенный уровень владения вторым средством общения: от некоторого знакомства с ним (на этом уровне возможны вкрапления, в меньшей степени — заимствования, и невозможно кодовое переключение) до более или менее свободного владения им, когда наблюдаются все три процесса.

взаимопониманию — поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку — возможны коммуникативные провалы, обусловленные тем, что формально сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание (различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т.п.)².

В рассказе А. П. Чехова «Новая дача» инженер Кучеров спрашивает деревенских мужиков, зачем они пускают скотину в его огород и сад, рубят деревья в лесу, перекопали дорогу. Он говорит им:

— Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою.

Из всей его речи мужики уразумели только то, что надо платить (этот глагол понят ими в конкретном, вещественном смысле):

— Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...

В другой раз, встретив крестьян, Кучеров говорит раздраженно, возмущенный бессмысленностью их поступков по отношению к нему и его семье:

Инженер остановил свой негодующий взгляд на Родионе [старом кузнеце] и продолжал:

— Я и жена отиосились к вам, как к людям, как к равным, а вы? Э, да что говорить! Кончится, вероятно, тем, что мы будем презирать вас. Больше ничего не останется!..

Придя домой, Родион помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой.

— Да... — начал он, отдохнув. — Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... Да... гляднт на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя призирать буду... Хотел я ему в ноги поклониться, да оробел... Дай Бог здоровья... Пошли им, Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоватые... — продолжал Родион. — «Призирать будем...» — при всех обещал. На старости лет и... оно бы ничего... Вечно бы за них Бога молил... Пошли, царица небесная...

²Ср. замечание С. Эрвин-Трипп о возможности двоякого толкования высказываний, что «может приводить к неловким положениям из-за различной интерпретации высказывания говорящим и слушающим» [Эрвин-Трипп 1975: 343]. См. также статью [Падучева, в печати], где наряду с термином «импликатура», обозначающим то, что имеет в виду, но не выражает эксплицитно говорящий, вводится термин «инференция», обозначающий тот невыраженный смысл, который может извлекать из высказывания слушающий. Импликатуры и инференции очень часто не совпадают.

Ср. также рассказ Корнея Чуковского о том, как еще в молодости он и будущий писатель Борис Житков оказались вдвоем в бушующем море на утлой лодчонке, как ветер погнал их лодку на волнорез, и Житков «с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатугу, мокрою, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне:

— Конец!

„Конеч“ — по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово „конеч“ в его общем значении и завопил от предсмертной тоски...» (К. Чуковский. Современники)³.

- 7) Различия между коммуникантами могут касаться не собственно набора языковых единиц, а набора расхожих коммуникативных стереотипов, используемых в тех или иных ситуациях общения. Различия в стереотипах также могут приводить к взаимонепониманию или, во всяком случае, к коммуникативному дискомфорту, особенно на стадии установления речевого контакта. Напротив, полная согласованность говорящего и адресата в используемых стереотипах способствует более эффективному общению⁴.

Известно, например, как коробят слух современного русского интеллигента недавно вошедшие в обиход обращения «Мужчина!», «Женщина!», адресуемые незнакомому прохожему, покупателю или покупательнице и т.д. Между тем, для представителей других социальных слоев и групп это — обычный способ обращения к человеку в очереди, на улице, у прилавка магазина и т.д., не вызывающий отрицательной оценки и не нарушающий привычного автоматизма речи.

Стереотипы часто служат сигналами принадлежности говорящего к определенной социальной среде, по ним узнают как «своего», так и «чужака». Например, в современном культурном русскоязычном общении начальные реплики при разговоре по телефону составляют

³ Многочисленные примеры социально и ситуативно обусловленной интерпретации высказываний приводит в своей знаменитой работе «О диалогической речи» Л. П. Якубинский (см. [Якубинский 1923]).

⁴ В большинстве ситуаций, связанных с необходимостью обмена информацией, эффективным можно считать такое речевое общение, при котором всё внимание коммуникантов сосредоточено на содержании речи. Нарушение коммуникативного автоматизма происходит тогда, когда внимание кого-либо из участников общения привлекает форма высказываний: употребляемая лексика, особенности произношения, необычная интонация и др. В этом случае возникает «информационный шум», затрудняющий общение.

довольно ограниченный набор стереотипных формул. Это реплики типа: *Алло! Вас слушают! Слушаю! Такой-то у телефона* и немногие другие. Употребленный вместо этих реплик вопрос: *Кто это?*, обремененный в самом начале телефонного разговора к тому, кто снял трубку после звонка, не только не принят в указанной социальной среде, но и изобличает лицо, употребившее такой вопрос (в описанной коммуникативной позиции), как не владеющее литературным языком, как носителя просторечия.

Просьба позвать к телефону нужное лицо, выраженная формулой: *Пригласите, пожалуйста, такого-то*, — осознаётся носителями русского литературного языка как провинциализм (социолингвистическую интерпретацию подобных фактов см. в работах [Николаева 1991; Крысин 1994], а также в ч. IV, гл. I данной книги).

Таким образом, кодовые различия могут служить сигналами различий социальных. При этом совсем не обязательно, чтобы кодовые различия были резкими, символизирующими, например, принадлежность людей к разным классам, разным социальным слоям. Естественно, в больших человеческих сообществах и кодовые различия больше, многообразней; однако и в относительно небольших сообществах, например, в малых социальных группах (семье, школьном классе, спортивной команде и т.п.) языковая однородность не бывает абсолютной. Правда, в этом случае она зависит не столько от собственно социальных характеристик говорящих (например, от их образовательного статуса, от культурного уровня, от рода занятий и т.п.), сколько от условий общения. «Единообразие кода, воспринимаемого как „то же“ всеми членами речевой общности, — писал Р. Якобсон, — есть не что иное, как фикция. Как правило, каждый индивид одновременно принадлежит к нескольким речевым общностям разного радиуса действия. Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками» [Jakobson 1970: 458].

- 8) Различия между говорящими могут касаться также коммуникативной тактики, т.е. способов использования элементов одного и того же кода в одинаковых или сходных ситуациях.

В понятие «тактика речевого общения» входят такие компоненты, как инициатива коммуникативного контакта, установка на общение, «иллокутивное вынуждение» (термин А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина — см.: [Баранов, Крейдлин 1992]; имеется в виду согласование участниками общения коммуникативных намерений, которые они облекают в форму тех или иных речевых актов — просьбы, требования,

сообщения, приглашения, обещания и т.п.), соотношение диалогических и монологических форм речи, паузация (в частности, допустимость / недопустимость, обязательность / необязательность, краткость / протяженность пауз) и нек. др. > [H + turn-taking]

Рассмотрим с этой точки зрения общение врача и пациента.

В типичном случае это представители разных социальных слоев. Хотя инициатива обращения к врачу может исходить от пациента, «ведущим» в их диалоге является, несомненно, врач. Он задает вопросы, и пациент обязан на них отвечать, он приказывает: — *Дышите! Задержите дыхание!* — *Разденьтесь!* — *Лягте на кушетку!* — и пациент обязан подчиняться. Врач рекомендует, запрещает, страшает возможными последствиями нарушения врачебных предписаний, и это не вызывает у пациента протеста, потому что входит в систему ролевых ожиданий, характерных для социальной роли врача.

Само ролевое взаимодействие «врач — пациент» с необходимостью предполагает установку на общение (с этим можно сравнить ролевое взаимодействие в диаде «следователь — подсудимый», где установка на общение может присутствовать только у следователя). Врач и пациент в ходе общения попеременно занимают позиции то говорящего, то адресата, и хотя в целом этот вид коммуникации можно назвать диалогическим, в нем допустимы более или менее значительные по объему фрагменты монологической речи — например, когда врач составляет анамнез и выслушивает рассказ пациента обо всех его прошлых и настоящих недугах. В процессе общения врача и пациента допустимы и нормальны паузы, причем регулирует паузацию, как правило, врач (как «хозяин» ситуации) — например, при выслушивании ритмов сердца, измерении артериального давления и т.п. (ср. общение в ситуации «своей» социальной среды, когда возникновение пауз скорее спонтанно, нежели вынуждено одной из сторон общения). Имеются и другие специфические свойства речевой ситуации «врач — пациент», которая может отличаться, в частности, и национальными особенностями (типичные характеристики общения врача и пациента подробнейшим образом описаны в работе [Labov, Fanshel 1977]).

Различия в тактиках речевого общения могут касаться также способов реализации одних и тех же языковых и параязыковых средств. Например, манера говорить, принятая среди представителей современного русского просторечия, в интеллигентской среде иногда оценивается как агрессивная (повышенная громкость обычной «информационной» беседы, резкость интонаций, оберточная размашистая жестикация, телодвижения; имитирующие те или иные физические процессы, и т.п.), тогда как с точки зрения говорящего — носителя

просторечия такая манера общения считается нормальной. В интеллигентской среде при передаче чужого мнения или чужих высказываний не принято подражать манере говорения, которая характерна для цитируемого лица; в просторечии имитация чужой речи с элементами передразнивания — при отрицательной оценке того, кто имеется в виду, его действий, слов и т.п. — явление вполне обычное (особенно среди женщин — носительниц просторечия).

Невербальные компоненты коммуникативной ситуации — жесты, мимика, телодвижения — более разнообразны и свободны при общении людей среди «своих», с равными по статусу и социальным ролям; в чужой среде и особенно при общении «снизу вверх» (при обращении к начальнику, командиру, тренеру, учителю и т.п.) эти компоненты находятся под социальным контролем, который суживает рамки жестовых и мимических реакций, и под самоконтролем участников коммуникации.

Из нашей краткой характеристики разных сторон речевого общения видно, что в общем случае взрослый человек владеет некоей совокупностью **социализированных норм общения**, включающих как собственно языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы и правила обязательны для людей, живущих в данном языковом сообществе; с особой силой они проявляются при речевом общении в неоднородной социальной среде.

Таким образом, мы можем говорить о трех видах факторов, которые влияют на характер речевой коммуникации в неоднородной человеческой среде, — языковых, социальных и ситуативных.

Социальная неоднородность говорящих и их языковая неоднородность коррелируют, но не совпадают. С одной стороны, социально однородная среда может быть гетерогенной в языковом отношении. Например, дворяне в России XIX в. владели русским и французским языками, но некоторые из них (не получившие соответствующего воспитания) владели только русским. С другой стороны, люди, пользующиеся одним и тем же языковым кодом, могут существенно различаться в социальном отношении⁵.

⁵ Впрочем, это может касаться и разных языковых кодов: в одних условиях общения человек использует один код, в иных — другой. Например, русские дворяне XIX в. в светской беседе друг с другом могли использовать как русский, так и французский язык, а в общении с крестьянами — только русский. Мужчины в Парагвае, владеющие и испанским, и языком гуарани, ухаживая за женщинами, говорят с ними на испанском как на социально более престижном языке, а женившись, переходят на гуарани [Rubin 1962]. Если описывать подобные кодовые переключения в терминах теории социальных ролей, то можно сказать, что смена **социальной** роли может влечь за собой смену языкового кода, вне зависимости от того, является ли этот код самостоятельным языком или подсистемой (вариантом) какого-либо языка.

Например, состав носителей литературной формы национального языка в большинстве современных обществ социально разнороден: городская и сельская интеллигенция, квалифицированные рабочие, чиновничество, офицерство и нек. др. социальные слои и группы.

Однако довольно часто разница в языках и языковых подсистемах, используемых участниками речевого общения, отражает социальную (и этническую — в случае различия языков) неоднородность коммуникантов, и наоборот, социально и этнически разнородные группы говорящих обычно используют разные языки и языковые подсистемы.

Эта достаточно очевидная взаимозависимость, вероятно, и не заслуживала бы специального внимания, если бы из нее не вытекали следствия, существенные с точки зрения механизмов речевого общения. В самом деле, каким образом могут понять друг друга люди, если между ними существуют столь разнообразные языковые и социальные несходства, проявляющиеся в ситуациях повседневного общения? Ответ на этот вопрос предполагает изучение разных видов и способов коммуникативного приспособления друг к другу участников речевого общения.

В своем речевом поведении каждый говорящий, руководствуясь целью — быть понятым, ориентируется на коммуникативное «сотрудничество»⁶ с адресатом своей речи, на поиски таких форм общения, которые были бы наиболее эффективны для взаимопонимания. Отсюда — необходимость для коммуникантов находить общий язык не только в терминологическом смысле этого словосочетания, но и в переносном: «преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствовал бы о способности говорящего актуализовать навыки..., соответствующие ожиданиям» слушающего [Винокур 1993а: 60—61].

⁶Ср. так называемый принцип кооперации, который, наряду с другими принципами (постулатами, максимами) речевого общения, был сформулирован в работах по теории речевых актов (см. [Грайс 1985: 222 и сл.; Гордон, Лаков 1985: 277 и сл.; Серль 1986]).

Глава 2

Кодовые переключения в речевом поведении говорящего

А. П. Крысин

Любое средство коммуникации — естественный язык, искусственный язык типа эсперанто, систему жестов (например, составляющую язык глухонемых) и т. п. — можно назвать **кодом**. Иногда наряду с этим термином употребляют термин **субкод**. Им называют какие-либо разновидности кода. Если, скажем, национальный язык членится на такие разновидности, как территориальные диалекты, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны, литературная форма, то эти разновидности являются субкодами по отношению к коду — национальному языку. Как коммуникативное средство субкод обычно имеет меньший набор функций и более узкую сферу применения, чем код (подробнее об этом см. [Беликов, Крысин 2001, гл. 1]).

Коды и субкоды, обслуживающие одно языковое сообщество, образуют **социально-коммуникативную систему** (термин А. Д. Швейцера — см. [Швейцер 1976: 75—76]). В многоязычном государстве — например, в России, во многих странах Африки и Юго-Восточной Азии — это разные языки, в странах моноязычных (или со значительным преобладанием одного языка — таких, как Польша, Франция, Норвегия) — социально-коммуникативную систему составляют субкоды одного общего кода (национального языка).

И в случае множества кодов (самостоятельных языков), и в случае множества субкодов, составляющих ту или иную социально-коммуникативную систему, эти коды и субкоды находятся друг с другом в отношении **функциональной дополнителности**. Иначе говоря, каждый код (субкод) имеет свои функции, не пересекаясь (или слабо пересекаясь) с функциями других кодов (субкодов). Например, каждый стиль литературного языка — научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический — имеет свои, специфические функции, не свойственные другим стилям, а вместе они функционально дополняют друг друга, образуя социально-коммуникативную систему, способную обслуживать коммуникативные потребности всех людей, составляющих общество носителей литературного языка.

В многоязычном обществе коммуникативные функции распределяются между разными языками. Например, язык, имеющий статус государственного, используется в официальных, социально «ответственных» ситуациях, а родные языки народов, составляющих данное общество, могут использоваться преимущественно в бытовых и семейных ситуациях.

Принцип функциональной дополнительности кодов и субкодов, составляющих ту или иную социально-коммуникативную систему, означает, что один и тот же контингент говорящих, обслуживаемый данной социально-коммуникативной системой, владея общим набором языковых средств, использует их в зависимости от условий общения. Иначе говоря, в процессе речевой коммуникации происходит **переключение** с одного кода (субкода) на другие. Такое переключение получило название **кодového**¹.

Что же, какие изменения в условиях коммуникации заставляют говорящего менять код? Для того, чтобы рассматривать эти изменения некоторым упорядоченным образом, необходимо представить коммуникативную ситуацию, или ситуацию речевого общения, как определенную структуру, состоящую из взаимодействующих компонентов.

Типовая коммуникативная ситуация может быть представлена в виде набора переменных, каждая из которых приобретает то или иное значение в реальных условиях общения: (1) говорящий и его социальная роль, (2) адресат и его социальная роль, (3) отношения между говорящим и адресатом и связанная с этим (4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская), (5) тема общения, (6) цель, (7) средство общения (код или субкод), (8) способ общения (письменный — устный, контактный — дистантный), (9) место общения.

Каждый из этих компонентов может иметь разное значение, изменяться от одной коммуникативной ситуации к другой. Например, может меняться **адресат** речи. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно этот, знакомый адресату язык, хотя в общении с собеседниками-билингвами он может использовать другой язык или оба попеременно. При использовании субкодов одного языка смена адресата также может вести к подобному переключению: это происходит, например, в семейных коммуникативных ситуациях, когда взрослые от разговоров между собой переходят к общению с маленькими детьми (и обратно).

Фактором, обуславливающим переключение кода, может быть **изменение социальной роли** говорящего. Скажем, в роли отца (при общении

¹Термин «кодového переключение (переключение кодов)» — перевод английского термина «code-switching». Первые работы, исследующие механизм переключения кодов, появились в англоязычной лингвистической литературе в середине 70-х годов. Однако на само это явление, еще без использования указанного термина, раньше обратил внимание Р. Якобсон [Jakobson 1970: 458]. Первые экспериментальные исследования в этой области принадлежат, по-видимому, У. Лабову — см., например, [Лабов 1975а: 103 и сл.].

в семье) или в роли соседа (при общении односельчан) человек может использовать родной для него и для его собеседников местный диалект, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более общепонятные формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут, и он не достигнет своей цели — удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т.п., — т.е. потерпит коммуникативную неудачу.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимавшихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, «производственные» темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технологических процессов, устройств, приборов и т.п. (см. об этом, например, [Санна 2000]). Но как только происходит смена темы — с производственной на бытовую, — «включается» другой языковой код или субкод: родной язык или диалект собеседников, разговорная разновидность литературного языка, те или иные формы просторечия и т.п.

Очевидно, что при переключении кодов речевое поведение говорящего регулируется по крайней мере тремя типами факторов нелингвистического характера — **социальными, ситуативными и коммуникативными**.

К социальным относятся статусные и ролевые характеристики говорящего и адресата; к ситуативным — элементы речевой ситуации, влияющие на выбор кода, — например, место общения (ср. общение ученика с учителем в классе и вне стен школы); к коммуникативным факторам относятся интенции говорящего, цель, которую он преследует в данном речевом акте, его ориентация на коммуникативные запросы адресата, тема общения и нек. др. Важную роль играют и факторы **психологические**: например, установка на общение (при одном психологическом состоянии индивида она имеет место, а при ином — отсутствует, хотя факторы социальные, ситуативные и коммуникативные при этом могут не меняться). Но, как кажется, психологические факторы часто подавляются факторами внешними: например, если в ситуации покупки железнодорожного билета у говорящего возникает антипатия к кассирше и нежелание общаться с нею, ему придется это нежелание преодолеть — в противном случае он не достигнет цели данного коммуникативного акта.

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды?

Это зависит от влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если вмешательство фактора, обуславливающего кодového переключение, неожиданно для говорящего, он может

переключаться с кода на код посреди фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, сам процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь (в особенности, если эта речь спонтанна и к тому же эмоциональна) элементы другого языка — фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы, причем такое соседство элементов двух разных языков обнаруживается на достаточно коротких отрезках речевой цепи².

Похожий механизм переключения можно наблюдать и при использовании субкодов одного национального языка. Например, в обычную бытовую беседу могут вставляться элементы официально-делового стиля (если к этому вынуждает тема беседы); текст ученого доклада, использующий в качестве субкода научный стиль, может содержать вкрапления из других субкодов — например, из разговорной речи и даже из просторечия (этим отличались, например, устные выступления и статьи А. А. Реформатского), и т. д.

Сама способность к кодовым переключениям свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (языками) и об определенном уровне коммуникативной и общей культуры человека. Механизм кодовых переключений обеспечивает взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Подлинная культура речевого общения с необходимостью предполагает способность участников коммуникации к кодовым переключениям. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному субкоду воспринимается как дефект языковой компетенции данного говорящего (или представителей какой-либо социальной группы), как аномалия, которая может приводить к коммуникативным конфликтам. Между тем, по-видимому, во многих обществах существуют группы таких носителей языка, которые владеют только одним субкодом данного языка — например, своим родным диалектом или каким-либо социально ограниченным койне. Так, многие носители современного русского городского просторечия «монологичны», т. е. владеют только просторечием и не могут переключаться на средства литературного языка (см. об этом выше, в ч. I, гл. 1). Это сказывается и на социальной

²У. Вайнрайх отмечал, что «переключение с одного языка на другой всегда может быть зафиксировано на границах предложений» [Вайнрайх 1972: 49], но он же указывал на то, что «в некоторых ситуациях языкового контакта... двуязычные носители приходят в такое состояние, когда уже и целое предложение (а иногда и словосочетание) нельзя отнести с грамматической точки зрения к тому или иному из языков» [там же: 50].

мобильности человека и на его коммуникативном поведении: обычно «монологичны» свободно чувствуют себя лишь в «своей» среде, а необходимость общения с носителями иных коммуникативных подсистем вызывает у них социальное и эмоциональное напряжение.

Механизм кодовых переключений действует в условиях, когда говорящий может **выбирать** языковые средства из некоторого их репертуара. Иными словами, этот механизм использует разные варианты языкового выражения коммуникативных намерений говорящего (варианты могут принадлежать как разным языкам, так и разным подсистемам одного языка). Кодовое переключение — это одна из форм социально и ситуативно обусловленного **языкового варьирования**, без которого невозможен процесс нормального речевого общения.